

DOI: 10.15643/libartrus-2020.1.5

Политический дискурс парламентских дебатов: прагмалингвистический аспект

© Л. С. Чикилева^{1*}, А. Г. Сергеева²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Россия, 125993 (ГСП-3) г. Москва, Ленинградский проспект, 49.

²Одинцовский филиал МГИМО МИД России
Россия, 143005 г. Одинцово, улица Ново-Спортивная, 3.

*Email: lchikileva@fa.ru

Данная статья посвящена изучению особенностей речевого поведения участников парламентских дебатов при обсуждении политических вопросов в ситуации конфликта, связанного с выходом Великобритании из Евросоюза. Основное внимание уделяется выявлению прагмалингвистических особенностей парламентского дискурса. В британском парламентском дискурсе конфликтного характера наблюдается тенденция использования стратегии на понижение или дискредитацию, которая направлена на обличение оппонентов, их позиционирование в негативном свете. Наиболее часто употребляемой тактикой в рамках этой стратегии является тактика обвинения. В рамках стратегии на повышение наиболее употребляемой тактикой является тактика самопрезентации, используя которую политические лидеры представляют свою партию и себя в наиболее выгодном свете. Авторы статьи приходят к выводу, что в ходе дебатов парламентариев по Брекситу конфликт развивался не в пользу гармонизации.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, парламентские дебаты, политическая коммуникация, коммуникативная культура, прагмалингвистические особенности, стратегии и тактики.

На современном этапе развития лингвистики одним из актуальных направлений является изучение особенностей политической коммуникации. Развитие политической коммуникации послужило причиной возникновения политической лингвистики как отдельного научного направления. Одним из основных понятий политической лингвистики является политический дискурс, представляющий собой разновидность дискурса, имеющего целью приобретение и удержание политической власти. Политическая коммуникация является значимой частью национальной культуры. Для политической коммуникации характерны культурно-исторические и национальные особенности восприятия политической действительности. Неотъемлемой частью современного общества является противоборство личностей и различных социальных групп, в связи с чем изучение особенностей политического дискурса представляет значительный интерес.

Количество работ, посвященных исследованию дискурса, постоянно растет. Исследованием дискурса занимались Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров, О. Е. Михалева, С. А. Сухих, О. И. Таюпова, Л. С. Чикилева, Д. В. Шапочкин, Е. И. Шейгал; П. Чилтон, К. Шеффнер; Н. Ферклоу; Ю. Хабермас, Д. Таннен; Х. Хамилтон, Т. А. Ван Дейк, Р. Водак и многие другие [4, 5, 10, 13, 16–19, 28–30, 34–37, 40–42, 45, 47–50]. Необходимо отметить следующие направления в изучении дискурса: функционально-комму-

никативное, социолингвистическое, прагматическое, когнитивное, структурно-стилистическое и лингвокультурологическое.

В функциональной лингвистике исследование дискурса включает изучение любого аспекта употребления языка, т.к. анализ дискурса представляет собой анализ употребления языка в целом. В рамках функционально-коммуникативного подхода дискурс представляет собой вербальное общение, тип диалогического высказывания, речь в условиях ситуации общения.

Социолингвистический подход изучает особенности общения в социокультурном контексте, при этом участники коммуникации рассматриваются как представители разных социальных групп. В рамках социолингвистического подхода выделяют следующие виды дискурса: статусно-ориентированный дискурс и личностно-ориентированный дискурс [13]. В статусно-ориентированном дискурсе адресат является представителем определенной социальной группы. Статусно-ориентированный дискурс предполагает институциональное общение в рамках установленных статусно-ролевых отношений [13]. В личностно-ориентированном дискурсе адресат и адресант хорошо знают друг друга, они готовы открыть партнеру по коммуникации свой внутренний мир. Личностно-ориентированный дискурс включает в себя бытовой и бытийный дискурс. Для бытового дискурса характерно стремление коммуникантов максимально сжать передаваемую информацию. Особенностью бытийного дискурса является художественное и философское отражение действительности. Представители прагматического направления трактуют дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения, как социальный, идеологически ограниченный тип высказывания. С позиций прагмалингвистики дискурс предполагает диалоговую активность участников общения, обмен информацией, оказание воздействия, использование различных коммуникативных стратегий, их вербальную и невербальную реализацию в практике общения [47]. Для каждого типа дискурса характерны коммуникативно-прагматические маркеры речевого поведения, к которым относятся ситуативный контекст, состав и роли участников общения, степень знакомства собеседников, дистанция общения, место и время речевого события, уровень формальности общения, социальные нормы, социальные отношения и некоторые другие характеристики [28].

Подход к изучению дискурса с позиции когнитивной лингвистики включает реализацию определенных коммуникативно-когнитивных структур, или фреймовых моделей, представляющих стереотипные ситуации, в которых содержится информация социокультурного характера [48].

Представители структурно-стилистического направления рассматривают дискурс как разговорную речь, для которой характерна спонтанность, ситуативность, контекстуальные и стилистические особенности. В процессе лингвистического анализа дискурса определяются регистры общения, особенности устной и письменной речи в их стилевых разновидностях, исследуются свойства функциональных стилей [39].

В лингвокультурологическом подходе особое внимание уделяется специфике общения представителей той или иной культуры, изучаются модели речевого этикета и поведения [13].

Развитие современных концепций происходит в результате изменения коммуникативно-функционального, сравнительно-исторического, системно-структурного и когнитивно-дискурсивного направлений. С позиции коммуникативно-функционального подхода понятие «дискурс» определяется как сложное явление коммуникации, которое включает экстралингвистические факторы. Теорию дискурса можно отнести к отдельной области научного знания,

которая является междисциплинарной, т.к. изучением дискурса занимаются лингвистика, политология, философия, психология, культурология, социология, теория и другие науки, каждая из которых по-своему подходит к изучению данного явления.

В отечественной лингвистике имеются следующие подходы в изучении дискурса: коммуникативно-речевой и структурно-текстовый [25]. Коммуникативно-речевой подход основан на понятиях «речевая деятельность», т.е. функционирование языка в процессе общения, и «речь», а именно, устная речь, т.е. форма, противоположная письменной разновидности языка [4]. Дискурс соотносится с такими понятиями, как высказывание (единица речевого общения), речевая деятельность, речь, коммуникативная ситуация и текст. Сторонниками коммуникативно-речевого подхода являются Н. Д. Арутюнова, В. С. Григорьева, Н. И. Формановская, Е. И. Шейгал и другие [4, 8, 31, 37]. Они считают, что дискурс эквивалентен понятиям «речь», «речевая деятельность», «коммуникативная ситуация». По мнению Н. Д. Арутюновой, дискурс представляет собой речь, погруженную в жизнь, и является компонентом социального действия, реализуемого в процессе коммуникации во взаимодействии людей [4]. Принимая во внимание тот факт, что единицей речевого общения является высказывание, которое направлено на участников речи, Н. И. Формановская дает определение высказыванию как минимальной единице общения, которая образует дискурс (более крупную единицу) при взаимодействии с другими высказываниями [31]. Справедливым представляется мнение о том, что дискурс является лингвистической единицей общения, у которой имеется признак знаковости, т.к. любой языковой знак соотносится с объектом реального мира. Содержание речи является когнитивным процессом, который происходит в процессах познания и восприятия мира [8].

В рамках структурно-текстового подхода дискурс соотносится с понятиями «текст», «диалог» и рассматривается как связная последовательность предложений. Данного подхода придерживаются такие исследователи, как В. З. Демьянков, В. А. Звегинцев, Л. В. Селезнева и некоторые другие [10, 11, 25]. В. А. Звегинцев считает связность одним из основных признаков дискурса. Он понимает под дискурсом несколько таких предложений, находящихся в смысловой связи друг с другом, как сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац [11]. Л. В. Селезнева исследует дискурс как порождение текста на различных уровнях: дискурсивном и интердискурсивном [25]. Таким образом, в рамках структурно-текстового исследуются как структура дискурса, так и закономерности порождения текста.

Все перечисленные выше подходы являются взаимосвязанными и свидетельствуют о том, что понятие «дискурс» многозначно. Дискурс обусловлен не только ситуацией общения, но и процессом, происходящим в сознании коммуникантов. Таким образом, под дискурсом понимается комплексное явление коммуникации, представляющее собой речевое действие, включающее процессы понимания сообщения и информацию об участниках общения [48].

Известно, что характерной особенностью речи политиков является ее дискурсивный характер. Между языком и политикой имеется тесная взаимосвязь, т.е. существование политической власти невозможно без коммуникации. Справедливым представляется мнение о том, что никакая политическая власть не может функционировать без коммуникации [22]. Основная цель политического дискурса заключается в том, чтобы внушить определенную точку зрения, заинтересовать аудиторию, предоставляя определенные сведения [7]. Очевидно, что для этого политикам необходимо владеть коммуникативными навыками. Представляется необходимым отметить следующие подходы к изучению политического дискурса: широкий и

узкий. В широком смысле к политическому дискурсу относится все, что связано со сферой политики, включая институциональные и неинституциональные формы общения. В узком смысле политический дискурс анализируется в контексте речевой деятельности политиков, при этом основной целью являются стабилизация и укрепление политического влияния. В этом случае политический дискурс ограничивается институциональными формами общения, которые реализуются в таких организациях, где коммуникация является составной частью их успешного функционирования. По мнению Е. И. Шейгал, широкий подход в определении политики включает следующие уровни: глобальный и личностный. В рамках первого подхода политика представляет собой набор определенных действий, направленных на распределение власти в стране. Личностный подход находит отражение во взаимоотношениях людей и в политической деятельности [37].

Е. И. Шейгал выделяет также такие виды измерения политического дискурса, как реальный и виртуальный. Реальное измерение включает в себя фактическую речевую деятельность в определенном социуме, а также речевые произведения, которые возникают в результате данной деятельности при взаимодействии экстралингвистических и лингвистических факторов. По мнению Е. И. Шейгал, в виртуальном измерении дискурса, представляющем собой семиотическое пространство, учитываются вербальные и невербальные знаки, которые имеют общее предметное значение, а также термины, присущие данной сфере [37]. К отличительным особенностям языка политики относятся специфические речевые приемы, использование политической терминологии, наличие языкового оформления в звуковой или письменной форме [15].

А. Н. Баранов рассматривает политический дискурс как язык политики, как комплекс дискурсивных речевых практик, определяющих тематику политической коммуникации [5]. Язык политики является важным фактором политической коммуникации. Для политического дискурса характерно полевое строение, в центре которого находятся жанры, наиболее соответствующие основному назначению политической коммуникации, а именно – борьбе за власть: парламентские дебаты, публичные выступления политических деятелей и некоторые другие [9]. Под политическим дискурсом понимается использование языка в социально-политической и публичной сфере общения. В современном мире большую роль играют средства массовой информации, происходит развитие коммуникационных технологий, наблюдается расширение процессов глобализации, а также использование политической коммуникации в коммерческих целях. Вместе с тем с помощью политического дискурса осуществляется социально-психологическое воздействие на адресата, происходит информирование и управление обществом. Некоторые исследователи отмечают тенденцию манипулирования сознанием адресата, использование форматирования сознания в результате замены объективной реальности на виртуальную реальность [21, 33]. Политический дискурс рассматривается как тип дискурса, целью которого является оказание речевого воздействия на сознание. Речевое воздействие – это оказание влияния на адресата с целью формирования определенных убеждений с помощью стратегических и тактических приемов [34].

Известно, что в политическом дискурсе используются определенные речевые стратегии. Под речевой стратегией понимаются выбор и использование лучшего способа действия, необходимого для того, чтобы достичь поставленные цели [35]. Целью речевых стратегий является оказание воздействия на чувства, эмоции, сознание адресата, а также убеждение адресата в необходимости принять решение, выгодное для политического деятеля.

Речевые тактики представляют собой использование речевых приемов, которые представляются эффективными в данных речевых условиях для достижения поставленной стратегической цели [24]. Между стратегиями и тактиками существует тесная взаимосвязь. Стратегия представляет собой общий план достижения какой-либо цели, а тактики являются определенными способами реализации этого плана. Известно, что в некоторых случаях тактики могут становиться стратегиями [20].

В современном обществе большую роль играют речь и поведение политиков. Чтобы достичь превосходства в политической жизни, политики используют разнообразные языковые приемы. Интересный материал для исследования представляет политический дискурс парламентских дебатов Великобритании. Для парламентского дискурса характерно употребление речевых клише, которые используются во время открытия заседания, при оглашении повестки дня, обращении к докладчику и предоставлении слова [27]. Для парламентского дискурса характерны определенные этикетные формулы и формы обращения, а также определенные правила коммуникативного поведения. Например, члены палаты общин обычно выступают в ходе дебатов не более одного раза, но это правило не относится к членам палаты лордов. Такая процедура проведения дебатов в парламенте является обычаем, в результате – речь выступающих в парламенте Великобритании приобретает форму полилога [1]. В ходе дебатов члены парламента не обращаются непосредственно к своим сторонникам или противникам. Выступающий, демонстрируя свое уважение, обращается к спикеру парламента, поэтому уменьшается вероятность резких высказываний в адрес оппонента. Характерными особенностями британской коммуникативной культуры являются вежливость, уважение личного пространства собеседника, что находит свое отражение в речевом поведении депутатов британского парламента. Члены парламента употребляют такие формы обращения, как *my honourable friend, my right hon, my right honourable friend* и некоторые другие. Во время дебатов представители одной партии обращаются к премьер-министру и к членам своей партии со словами *my right hon, my hon, friend, my right hon and learned friend*. В данном случае с помощью лексемы *friend* указывается принадлежность как адресата, так и адресанта к одной партии и подчеркивается сходство мнений и дружественное отношение между ними. При обращении к членам парламента от других партий и к лидеру оппозиции в речи премьер-министра используются выражения *gentleman, the right hon*. Если член парламента от другой партии является представителем женского пола, используются выражения *the hon lady* или *the right hon and learned lady* [1]. Во время проведения дебатов не допускается использование лексики ненормативного характера, спикер следит за выполнением установленных норм обращения к другим членам парламента; прерывает тех, кто обращается к другим членам парламента или представителям той или иной политической партии по имени. При обращении к представителю оппозиционной партии употребляется лексема *honourable*, тем самым демонстрируется уважение к адресату. В парламентском дискурсе Великобритании подчеркивается уважение как к политической системе в целом, так и к членам парламента, а также к публичному выражению мнений, защищенному свободой слова [18]. Для парламентариев Великобритании характерна сдержанность в проявлении эмоций и сохранение спокойствия в любых ситуациях.

Необходимо отметить, что палата общин в отличие от палаты лордов является конфликтно-соглашательской [26]. Большинство депутатов в британском парламенте принадлежат к консервативной или лейбористской партиям, между которыми существует исторически сложившаяся оппозиция. Депутаты принадлежат к разным социальным слоям, отстаивают

различные точки зрения, имеют разное воспитание, образование и идеологические ценности. Вполне закономерно, что участники парламентских дебатов вступают в конфликт и могут навязывать общественности свое видение решения проблем [12]. Взаимодействие парламентариев может происходить по моделям, направленным на предупреждение, нейтрализацию или гармонизацию конфликта. В британском парламенте ведущую роль играет спикер, в задачи которого входит контроль поведения членов парламента. Иногда политический конфликт может перерасти в межличностный конфликт. Между отдельными представителями парламента возникают межличностные разногласия, которые обычно имеют скрытый характер из-за существующих норм поведения. В результате происходит затягивание конфликта; возникают новые конфликтные ситуации даже в таких случаях, когда нет определенных причин для конфликта. Дискурс парламентских дебатов включает различные виды политических и психологических конфликтов. В дискурсе дебатов можно проследить оппозиционность представителей различных партий и различные способы выражения противоположных мнений. Парламентские дебаты представляют собой вариативную модель современной британской политической коммуникации.

При анализе коммуникативно-прагматических особенностей дискурса парламентских дебатов необходимо учитывать следующие факторы: полисубъектность, агональность, персуазивность и фактологичность [22]. Полисубъектность предполагает наличие следующих участников коммуникации: адресанта (говорящего), прямого адресата (слушающего), адресата-наблюдателя (народа). Важную роль в формировании определенного имиджа и проявлении речевой агрессии играет агональность, или борьба за власть [3]. Персуазивность проявляется во взаимодействии тактик убеждения, переубеждения и уговоров. Фактологичность соотносится с реакцией на определенные коммуникативные события в обществе.

Чтобы выявить прагматические особенности дискурса парламентских дебатов Великобритании, был проведен прагматический анализ выступлений членов парламента Великобритании с учетом факторов, порождающих конфликтное взаимодействие. В качестве материала для исследования были использованы стенограммы заседаний по вопросу выхода Великобритании из Евросоюза (ЕС), проходивших в палате лордов и палате общин британского парламента в период с декабря 2018 по ноябрь 2019 год. Стенограммы были взяты с официального сайта парламента Великобритании [51–57]. В процессе исследования были использованы такие методы, как метод контекстуального анализа, дискурс-анализа и контент-анализа, описательно-аналитический метод; метод концептуального анализа.

Известно, что современный общественно-политический дискурс характеризуется использованием агональных речевых стратегий и тактик, т.к. в политическом речевом взаимодействии оппоненты не всегда соблюдают правила аргументативного убеждения. Неотъемлемой частью политической коммуникации являются такие агональные стратегии, как стратегия дискредитации и стратегия самоутверждения [6]. Для политического дискурса как разновидности персуазивного, или убеждающего, дискурса характерна манипулятивная специфика, которая выражается в оказании речевого воздействия на адресата с целью изменения его ментальных представлений о действительности. Манипулирование является разновидностью речевого воздействия, главными признаками которого считаются психическое влияние, его скрытость и использование особых приемов. Манипулирование представляет собой речевой прием, на основе которого выстраиваются различные речевые стратегии и тактики [23].

От выбора речевых стратегий и тактик зависит выражение отношения политика к обществу. Коммуникативной стратегией можно назвать меры, используемые при реализации коммуникативных намерений говорящего, при разработке которых учитываются условия коммуникации [2]. Для реализации речевых стратегий используются определенные тактики. Иными словами, речевое воздействие совершается за счет применения речевых стратегий и тактик, которые содействуют реализации замысла говорящего.

При анализе политического дискурса в данной работе была использована классификация стратегий и тактик, разработанная О. Л. Михалевой [19]. В эту классификацию входят следующие стратегии: стратегия на понижение, стратегия на повышение и стратегия театральности. В рамках данных стратегий используются определенные тактики. Рассмотрим перечисленные выше стратегии и тактики более подробно.

Стратегия на понижение, или стратегия дискредитации, используется для ослабления позиции адресата или выражения негативного отношения к нему. Эта стратегия может быть реализована с помощью таких тактик, как тактика обвинения, тактика обличия, тактика оскорбления и тактика угрозы. При использовании данной стратегии выражается негативное отношение к ситуации, при этом говорящий напрямую не демонстрирует свое недовольство. *Тактика обвинения* предполагает выражение обвинения по отношению к оппоненту, подчеркивание его отрицательных качеств и негативных намерений. *Тактика безличного обвинения* включает такие ситуации, когда оппонент не называется. *Тактика обличия* предполагает использование аргументов и фактов, а также доказательств, подтверждающих чью-либо вину.

Стратегия на повышение используется для увеличения значимости говорящего в глазах слушающего. Эта стратегия включает использование тактик презентации и отвода критики. В данном случае предполагается скрытое положительное отношение к ситуации. *Тактика презентации* используется для представления кого-либо в выгодном свете. *Тактика отвода критики* заключается в приведении аргументов, оправдывающих негативные поступки.

Стратегия театральности заключается в зрелищности политической коммуникации, в стремлении говорящего произвести хорошее впечатление на слушающих. К стратегии театральности можно отнести *тактику побуждения* (стремление убедить в своей правильности и побудить к действию), *тактику размежевания* (создание в политическом дискурсе оппозиции «свой-чужие»), *тактику обещания* [19].

Следует отметить, что использование стратегий в конфликтном дискурсе помогает говорящему достигнуть поставленной цели. Тактики представляют собой частные задачи для реализации главной цели, которые реализуются с помощью определенных приемов и языковых средств [38].

Рассмотрим стратегии и тактики, используемые в ситуациях политического конфликта, на материале скриптов парламентских дебатов по Брекситу. *Brexit* – это политический неологизм, часто употребляемый в общественно-политическом дискурсе, привлекающий внимание лингвистов и политологов. Концепт *Brexit* отражает прагматическую и социокультурную специфику политического дискурса, воздействующего на индивидуальное или массовое сознание [14]. В 2016 г. одной из самых распространенных фраз стала цитата «Brexit means Brexit» («Брексит значит Брексит») из речи бывшего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй. Данное выражение лаконично и категорично выражает отношение к итогам референдума [43].

В конце января 2020 г. премьер-министр Великобритании Борис Джонсон в торжественной обстановке подписал соглашение о выходе Великобритании из Европейского Союза.

Во время подписания этого документа, который вступил в силу 31 января 2020 г., были представители Евросоюза и представители МИД Великобритании. Подписание соглашения означало исполнение результатов референдума 2016 г., а также окончание затянувшихся споров. На мероприятии были представители Евросоюза и представители МИД Великобритании. Выход Великобритании из Евросоюза (ЕС) повлияет на ситуацию в стране [44].

В течение длительного периода времени в британском парламенте проходили дебаты, связанные с выходом страны из Евросоюза. Многие члены британского парламента выступали за выход Великобритании из ЕС, чтобы сохранить суверенитет своей страны, а другие были категорически против этого в связи с тем, что решение о выходе из Евросоюза могло негативно отразиться на экономике страны [12]. В ходе дебатов парламентариев по Брекситу конфликт развивался не в пользу гармонизации, а принимал агональный характер и превращался в межличностный конфликт между лидерами лейбористской и консервативной партий. Известно, что в коммуникативном конфликте реализуется перлокутивный аспект, т.е. язык используется как средство воздействия. Рассмотрение коммуникативного конфликта предполагает анализ стратегий и тактик, используемых говорящим для того, чтобы оппонент изменил свое мнение или выполнил действия, желательные для говорящего. Как показал анализ скриптов политических дебатов по Брекситу, в речи парламентариев использовались различные стратегии и тактики.

Рассмотрим примеры, в которых реализуется *стратегия на понижение*, или *стратегия дискредитации*, направленная на понижение авторитета, чтобы подорвать доверие к оппоненту и продемонстрировать недовольство по поводу действий других лиц. В приводимых примерах подчеркнуты анализируемые явления. Представляет интерес рассмотреть пример, в котором применяется стратегия дискредитации для понижения авторитета действующего в тот период премьер-министра Терезы Мэй: *The Government unilaterally pulled that and denied the House the chance of a vote on this crucial matter. The Prime Minister and her Government have already been found in contempt of Parliament. Her behaviour today is just contemptuous of this Parliament and this process. Her appalling behaviour needs to be held to account by the House. The people of this country are more and more concerned about the ongoing chaos at the centre of her Government. My question was, would the Prime Minister rule out no deal? She has failed to do that. Let me tell the Prime Minister that this sorry saga is frustrating for businesses, for workers, and, actually, for many of those behind her as well* [52].

В приведенном примере ситуация по обсуждению соглашения по Брекситу представлена с негативной стороны. Джереми Корбин, лидер лейбористской партии, заявляет, что премьер-министр презрительно относится к парламенту; население Великобритании обеспокоено хаосом, продолжающимся в правительстве. Лидер лейбористов называет эту ситуацию «жалкой сагой», которая разочаровывает всех, кто причастен к этим событиям. Яркая образность достигается за счет использования эпитетов *contemptuous*, *appalling*; выражений с негативной коннотацией *in contempt of*, *the ongoing chaos*; метафоры *sorry saga*. Все перечисленные средства образности используются для реализации функции убеждающего воздействия, направлены на понижение авторитета оппонента.

Стратегия на понижение реализуется с помощью *тактики обвинения*. Например: *Yesterday the cross-party Exiting the European Union Committee, including Conservative Members, unanimously found that the Prime Minister's deal "fails to offer sufficient clarity or certainty about the future." Will the Prime Minister give the country at least some certainty and categorically rule out the option of no deal?* [52].

Как следует из приведенного примера, Джереми Корбин высказывает свои опасения по поводу выхода Великобритании без соглашения. Премьер-министр обвиняется в том, что нет определенности относительно будущего страны. В приведенном примере использован риторический вопрос, который заставляет адресата задуматься о важности обсуждаемой проблемы.

Рассмотрим еще несколько примеров из речи Джереми Корбина, в которых использована тактика обвинения по отношению к Терезе Мэй: *Does the Prime Minister blame her shambolic handling of Brexit or her failed austerity policies for this damaging failure?.. Does she blame her shambolic Brexit or her Government's lack of an industrial strategy for this very sad state of affairs?.. The economy is slowing, manufacturing is in recession and this Government's shambolic handling of Brexit* [55]. В данном случае Джереми Корбин обвиняет Терезу Мэй в том, что ее политика приводит к печальным последствиям: производство находится в рецессии, сокращаются инвестиции. Наблюдается рост напряженности за счет использования слов с негативной коннотацией *shambolic handling of Brexit, shambolic Brexit, damaging failure, austerity policies*; метафорических выражений *a run on the pound, capital flight*.

В ответ на критические замечания Джереми Корбина Тереза Мэй отстаивает свои позиции. Она заявляет, что в экономике происходят позитивные изменения, безработица находится на самом низком уровне. Далее она высказывает свои предположения о том, что произойдет в стране, если к власти придет лейбористское правительство. Она выражает уверенность в том, что в этом случае состояние экономики может значительно ухудшиться. Тереза Мэй упрекает Джереми Корбина в том, что ему безразлично, как прошли переговоры в Брюсселе по Брекситу. Тереза Мэй считает, что Джереми Корбин в любом случае будет голосовать против, обвиняет его в хаосе экономики и разделении общества: *I have just explained to the right hon. Gentleman the positives in the economy and the consistent quarter-by-quarter growth that we have seen under this Government. What do we know would be the worst thing for the economy in this country? It would be a run on the pound, capital flight and £1000 billion of borrowing under a Labour Government* [55] // ...He has been clear that whatever comes back from Brussels he will vote against it, because all he wants to do is create chaos in our economy, division in our society and damage to our economy. That's Labour. That's Corbyn [52]. В приведенном примере использованы как тактика оправдания, так и тактика обвинения. Тактика оправдания реализуется с помощью позитивно окрашенной лексики (*the positives in the economy, consistent growth*) и риторического вопроса (*What do we know would be the worst thing for the economy in this country?*). Тактика обвинения реализуется с помощью лексических средств с негативной коннотацией (*chaos in our economy, division in our society, damage to our economy*) и повтора (*That's Labour. That's Corbyn*), в результате чего увеличивается экспрессивность высказывания.

Представители палаты лордов также критикуют политику Терезы Мэй относительно Брексита. Например: *My Lords, we are back to that parallel universe I referred to a few minutes ago. I ask the Minister about a no-deal Brexit... MPs rejected leaving the EU without a deal and the Prime Minister has now to accept that she does not have the full support of her Government, or even her Cabinet... There are even reports that the Prime Minister intends to run down the clock further to try and get her twice-rejected deal through. She is acting like the cruel parent who, when the child will not eat its dinner, serves up the same plate of cold food day after day until they are forced to accept the unwanted, the unpalatable and the dangerous* [51].

В приведенном примере представитель палаты лордов баронесса Смит подчеркивает нежелание Терезы Мэй услышать мнение другой стороны о решении вопросов, касающихся Брексита. Баронесса Смит подчеркивает, что Тереза Мэй не пользуется поддержкой своего правительства. Баронесса Смит иронично сравнивает действия Терезы Мэй с поведением родителей, которые многократно подают ребенку, не желающему обедать, тарелку с холодной едой и продолжают это делать до тех пор, пока не достигнут желаемого результата. В приведенном примере использованы метафора и сравнение, в результате чего увеличивается экспрессивность высказывания.

Приведем примеры *тактики обличия*, т.е. обвинения с использованием аргументов и фактов, указания конкретной вины оппонента: *Will she now put this deal before Parliament and halt the escalating crisis which is so damaging to the lives of so many people in this country?* [52]. Джереми Корбин рассуждает о том, будут ли приняты меры со стороны премьер-министра для прекращения развития кризиса, отрицательно влияющего на жизнь многих жителей Великобритании. В приведенном примере уместно использован риторический вопрос.

Рассмотрим примеры, в которых для реализации *тактики обличия* используются категоричные суждения: *When her deal fell to the worst Government defeat in history, instead of listening to MPs, she carried on regardless, so I ask her: what guarantee, other than her word, will she give this House that we will be able to vote to stop a no-deal Brexit before 29 March* [55]. Представитель лейбористской партии Хелен Хейс обличает Терезу Мэй в том, что ее действия привели к поражению правительства, и интересуется по поводу того, какие гарантии будут предоставлены со стороны премьер-министра по вопросам голосования в связи с выходом Великобритании из ЕС без заключения сделки. В приведенном примере использованы следующие категоричные суждения: *the worst Government defeat in history, to stop a no-deal Brexit*.

В связи с тем, что британские политики соблюдают этикетные нормы коммуникации даже в условиях конфликтного общения, тактика оскорбления и тактика угрозы используются очень редко. Более того, сдержанность и формальная вежливость не позволяют допустить перехода дискурса дебатов в ссору с использованием угроз или оскорблений. Принимая во внимание особенности национального стиля, необходимо отметить, что для членов парламента Великобритании характерны вежливость и сдержанность, поэтому вместо тактики угрозы или тактики оскорбления обычно используются тактики укора, иронии, предупреждения или разоблачения. Например: *Whatever change in Labour policy we see, the right hon. Gentleman will send out his henchman to reveal it all to the world: "The Inconstant Gardiner". [Interruption]. Gentleman should be honest with people about his position: he could not care less about Brexit; what he wants to do is bring down the Government, create uncertainty, sow division and crash our economy. The biggest threat to people and to this country is not in leaving the EU; it is a Corbyn Government* [52]. В ходе дебатов Тереза Мэй демонстрирует снисходительное отношение к Джереми Корбину, называя его *The Inconstant Gardiner*. Данное высказывание является каламбуром, отсылкой к голливудскому фильму *The Constant Gardener*, снятого Джонном Ле Карром в 2005 г. Очевидно, что эта шутка была использована преднамеренно, чтобы подчеркнуть роль Барри Гардинера, теневого министра торговли, который представлял партию лейбористов по вопросу о Брексите во время трансляции парламентских дебатов [46]. В данном примере использованы лексические единицы с негативной коннотацией *uncertainty, crash, threat*. Наблюдается использование метафор *careless about Brexit, bring down the Government, sow division, crash our economy*, которые

помогают создать отрицательное мнение об оппозиционной (лейбористской) политической партии и действиях ее представителей.

Рассмотрим стратегии и тактики, которые используются в речи политиков для укрепления авторитета: *стратегию на повышение и тактику презентации, или самопрезентации*. Использование стратегии на повышение демонстрирует желание выступающего показать себя с положительной стороны и повысить свою значимость. Эта стратегия реализуется при помощи *тактики анализ – «плюс»*, когда говорящий описывает ситуацию с положительной стороны. Например: *My hon. Friend raises an important point, because I know that EU nationals living here in the United Kingdom will be concerned about what might happen if a deal is not agreed... But in the unlikely event of no deal, I have been clear that this Government will still protect EU citizens' rights, and we would wish to know that actually, other EU Governments would respect the rights of UK citizens living in the EU as well* [52].

В приведенном примере Тереза Мэй выражает уверенность в том, что сделка обязательно состоится, и все права граждан ЕС, живущих в Великобритании, будут защищены.

Используя *тактику презентации, или самопрезентации*, политик старается представить себя и свою партию в наиболее выгодном свете.

В этом случае используются лексические единицы с положительной коннотацией. Например, Тереза Мэй выражает мнение о том, что соглашение по Брекситу представляет собой хорошую сделку с Евросоюзом, с помощью которой можно добиться выполнения результатов референдума 2016 г.: *What I think is important for everybody in this House is to recognise that we have, I believe, a solemn duty to deliver on the result of the 2016 referendum. I believe the best way of doing that is with a good Brexit deal with the European Union that protects jobs and honours the referendum. I believe that is the deal we have negotiated* [52]. В приведенном примере использована анафора, три раза повторяется словосочетание *I believe*. Тем самым оратор выражает свою убежденность в преимуществах данного соглашения.

В выступлении Терезы Мэй тактика самопрезентации может сочетаться с *тактикой самоутверждения*. Например: *Last night, the House did vote to reject no deal, but that cannot be the end of the story* [53]. В приведенном примере сделано утверждение о том, что, несмотря на результаты прошедшего голосования, процесс еще не завершен. В речи политика использована метафора *the end of the story*, которая оживляет ее речь.

В ходе дебатов Тереза Мэй использует риторические вопросы. Например, Тереза Мэй задает вопрос о том, поддержит ли оппозиция сделку, если она будет пересмотрена: *Will he ensure that if this Government come back with a revised deal that ensures we do not leave with no deal, he will actually support it?* [53]

В речи следующего премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона также используется тактика самопрезентации: *Leadership means standing up for the people of this country, standing up for our police, standing up for our NHS and making sure that it gets the funding that it needs, and standing up for our economy and for our wealth creators. Above all, it means getting Brexit done and ending the dither and delay. The time for protest is over. It is time for leadership, and that is what this Government provide* [57]. В приведенном примере оратор убеждает слушателей в том, что нужно отстаивать интересы народа Великобритании. Яркость и выразительность данному высказыванию придает использование повторов *standing up for*; лексемы *time*, указывающей на то, что в данный момент нужно предпринимать незамедлительные действия, чтобы достичь поставленной

перед правительством цели. В данном высказывании прослеживается использование метафорического выражения *ending the dither and delay*, которое в переводе на русский язык означает «прекращать беспорядок и задержку», где лексема *dither* может также означать «состояние возбуждения» и «нерешительное поведение». Данное метафорическое выражение придает образность всему высказыванию и усиливает эмоциональное воздействие на слушателей.

Стратегия на повышение включает *тактику отвода критики* и *тактику оправдания*. В данном случае говорящий приводит аргументы, которые позволяют оправдать те или иные поступки, ссылаясь на определенные причины. Например: *She talks about the economy: employment is at a record high, wages are growing and we have had 23 consecutive quarters of growth, the longest run in the G7. That is a balanced approach to the economy. That is Conservatives delivering for the people of this country* [52]. В приведенном примере в ответ на критику о том, что экономика находится в застое, Тереза Мэй приводит следующие аргументы в оправдание своей политики: занятость находится на высоком уровне, заработная плата растет, наблюдается экономический подъем. В данном примере использованы параллельные синтаксические конструкции, с помощью которых придается убедительность высказыванию, внимание слушающих привлекается к наиболее важным деталям.

Борис Джонсон, сменивший Терезу Мэй на посту премьер-министра, активно использует *тактику отвода критики*. В своем ответе лидеру Шотландской национальной партии Яну Блэкфорду премьер-министр заявляет о том, что безрассудный план Шотландской национальной партии по разрыву союза с Великобританией может нанести величайший ущерб экономике Шотландии: *As the right hon. Gentleman knows very well, the greatest damage that could be done to the Scottish economy would be the SNP's reckless plan to break up the Union with the UK* [57].

Рассмотрим особенности использования *стратегии театральности*, благодаря которой политическая коммуникация становится зрелищной и более эмоциональной. Данная стратегия реализуется за счет *тактики побуждения*, с помощью которой говорящий пытается убедить аудиторию в правильности своей позиции и призывает слушателей к выполнению определенных действий. Тактика побуждения может сочетаться с *тактиками разоблачения, иронии, оправдания*. Например: *Residents in Erewash are clear that we need a strong Government to deliver on Brexit and on our domestic agenda. Does my right hon. Friend agree that it is time for us to unite on the Conservative Benches, as the real threat to our great nation is the party opposite and a Labour Government?* [52]. В приведенном примере представитель консервативной партии Мэгги Труп призывает консерваторов к объединению, т.к. считает, что реальной угрозой великой нации является лейбористское правительство. С помощью местоимений *we (мы), our (наш), us (нас)* говорящий объединяет себя со своими слушателями.

Премьер-министр Великобритании Борис Джонсон убеждает парламентариев в том, что единственный способ добиться подписания сделки с ЕС – это проголосовать за консервативную партию на предстоящих парламентских выборах. От лица всей страны премьер-министр выражает мнение о том, что подписание сделки с ЕС является выбором каждого гражданина страны. Употребление местоимений *they, our, us* указывает на единство мнений и политических взглядов. Премьер-министр заявляет, что подписание сделки с ЕС является единственным правильным решением продвинуть страну вперед. Эту политику преследует консервативная партия, а не партия лейбористов, которая, наоборот, только затягивает процесс выхода Великобритании из ЕС.

К стратегии театральности относится тактика размежевания, в рамках которой используется оппозиция «свои» – «чужие». Это позволяет политику противопоставить себя своим оппонентам, дискредитировать противника в глазах аудитории. Тактика размежевания является вербальным выражением, которое определяется посредством использования местоимения «они» (they) при упоминании другой партии, иных политических взглядов, законов. Это выражение «разделения» демонстрирует отстранение от «чужих» и единение со «своими». Для удержания статуса «чужого», который может измениться под воздействием каких-либо обстоятельств, используются аргументация и доказательство, что объект «чужой» таким был и таким останется. Грамматической особенностью для реализации данной тактики является использование модальных глаголов и формы глаголов будущего времени совершенного вида. Тем самым выступающий подчеркивает свою уверенность в успехе. Например: *It is in the interests of employers and in the interests of people whose jobs are at stake to make sure that we get a good deal with the European Union. That is why it is important that I was in Europe yesterday and will continue to be in Europe doing exactly as my hon. Friend says: negotiating the deal that I believe can get the support of this House to ensure we can move forward and deliver a good Brexit* [52]. В приведенном выше примере Тереза Мэй обещает добиться хорошего соглашения для Великобритании с ЕС, обещает не прекращать эту работу, надеясь получить поддержку среди членов парламента, чтобы продолжить дальнейшую работу по соглашению о Брексите.

Представляется уместным отметить, что для достижения поставленной коммуникативной цели используются стилистические средства. В частности, определенную роль в оказании идеологического воздействия играют метафоры, с помощью которых формируется определенное отношение к тем или иным явлениям политической жизни. Метафоры могут использоваться как средство не прямой оценки каких-либо действий. Выбор метафоры детерминирован целью, которую хочет реализовать говорящий. Индивидуально-авторские метафоры, которые используются в речи британских парламентариев, придают экспрессивность высказываниям, в результате чего увеличивается эффективность их речи.

Суммируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. На сегодняшний день в лингвистике наблюдается большой интерес к исследованию политической коммуникации, т.к. в политической сфере язык является важнейшим инструментом речевого воздействия и языковой манипуляции. Не существует единого общепринятого определения дискурса, имеются различные направления и подходы к изучению данного явления. В частности, под дискурсом понимается комплексное явление коммуникации, представляющее собой речевое действие, включающее процессы понимания и восприятия сообщения и информацию об участниках общения. Политический дискурс является такой разновидностью дискурса, в которой может быть и конфликтное взаимодействие, поскольку в данном случае целью коммуникации являются завоевание и удержание политической власти.

Для политического дискурса характерен набор таких системообразующих признаков, как цель, участники и способ общения, а также использование определенных стратегий и тактик. Под речевой стратегией понимается выбор наилучшего способа действий для достижения поставленной цели, а тактики представляют собой использование речевых приемов, с помощью которых адресант может достичь эту цель. Известно, что в коммуникативном конфликте реализуется перлокутивный аспект, т.е. язык используется как средство воздействия. Рассмотрение коммуникативного конфликта предполагает анализ стратегий и тактик, используемых говорящим для того, чтобы оппонент изменил свое мнение или выполнил действия,

желательные для говорящего. В результате проведенного анализа было выявлено, что в ходе дебатов парламентариев по Брекситу конфликт развивался не в пользу гармонизации, а имел агональный характер и превращался в межличностный конфликт между лидерами лейбористской и консервативной партий. Наблюдается тенденция к использованию стратегии дискредитации, или стратегии на понижение, которая направлена на обличение оппонентов, их позиционирование в негативном свете. Данная стратегия реализуется через тактики обвинения, укора и обличия. Наиболее часто употребляемой тактикой в рамках стратегии дискредитации является тактика обвинения.

В рамках стратегии на повышение и стратегии самоутверждения наиболее употребляемой тактикой является тактика самопрезентации. Используя *тактику презентации*, или *самопрезентации*, политик пытается представить себя и свою партию в наиболее выгодном свете. С целью самооправдания может быть использована тактика отвода критики.

В конфликтной политической коммуникации реже наблюдается использование стратегии театральности, которая реализуется за счет использования тактики размежевания и тактики побуждения. Все перечисленные стратегии и тактики направлены на манипуляцию, на выражение недоверия, обвинения, неискренности в отношении электората. В ходе проведенного анализа политического дискурса было выявлено, что при обсуждении вопросов, связанных с выходом Великобритании из ЕС, для речи бывшего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй и нынешнего лидера консервативной партии, ныне действующего премьер-министра Бориса Джонсона, наиболее характерно употребление стратегии на повышения, реализуемой с помощью тактик самопрезентации, отвода критики или обещания, оправдания и размежевания в рамках оппозиции «свои» – «чужие». Для речи лидера лейбористской партии Джереми Корбина характерно употребление тактик обвинения, укора и обличия, т.е. критика действий партии консерваторов. Лингвистические средства являются важным ресурсом, от эффективного использования которого зависит успех политической коммуникации в целом и парламентских дебатов в частности. Использование речевых стратегий и тактик влияет на прагматический потенциал парламентского дискурса и определяет выбор лексико-грамматических и стилистических средств. В результате проведенного анализа парламентского дискурса было выявлено наиболее характерное использование дискурсивных стратегий и тактик, многократных повторов, параллельных синтаксических конструкций, риторических вопросов; употребление лексики как с позитивной, так и с негативной коннотацией, использование лексики, объединяющей говорящего со слушателями (для внушения мысли о причастности слушателей к происходящему).

Не вызывает сомнения тот факт, что дальнейшее изучение коммуникативно-прагматических маркеров, стратегий и тактик речевого поведения, используемых в дискурсе парламентских дебатов, а также в других видах дискурса, представляется полезным как в теоретическом, так и в практическом плане, т.к. это способствует повышению речевой культуры, гармонизации процесса общения, повышению эффективности коммуникации.

Литература

1. Абрамян С. А. Политическая коммуникация в лингвокультурном контексте // *Филология в XXI веке: Методы, проблемы, идеи*. 2017. С. 7–12.
2. Аكوпова Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2013. Т. 1. №6. С. 403–409.
3. Алешина Е. Ю. *Публичный политический дискурс конфликтной ситуации*. М.: Прометей, 2015.

4. Арутюнова Н. Д. Дискурс. Речь // *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, **2002**. С. 136–137.
5. Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сатаров Г. А., Шипова Е. А. *Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики*. М.: Фонд ИНДЕМ, **2004**.
6. Василькова Н. Н. Политический дискурс: Коммуникативные стратегии регулирования // *Дискурс Пи*. **2018**. Т. 15. №3–4(32–33). С. 38–43.
7. Винник Ю. В. Политический дискурс в системе лингвистических исследований // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. **2018**. №1(212). С. 46–49.
8. Григорьева В. С. *Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты*. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, **2007**.
9. Дедушкина Т. А. Жанровое пространство политического дискурса // *Studia Linguistica*. **2011**. №5. С. 472–477.
10. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // *Политическая наука*. **2002**. №3. С. 31–44.
11. Звегинцев В. А. *Предложение и его отношение к языку*. М.: Едиториал УРСС, **2001**.
12. Зюбина И. А., Иванова А. А., Кумпан Н. А. Междисциплинарный характер современного парламентского дискурса // *Политическая лингвистика*. Екатеринбург, **2016**. Вып. 4(58). С. 107–113.
13. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. 2-е изд. М.: Гнозис, **2004**.
14. Каштанова И. И., Бирюкова О. А., Давыдова Е. А. Концепт Vrexit в современном англоязычном медиадискурсе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. **2018**. №10–2(88). С. 295–299.
15. Колесникова С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация // *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Исствоведение*. **2011**. №33(248). Вып. 60. С. 67–69.
16. Кубрякова Е. С. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. М.: Языки славянской культуры, **2004**.
17. Макаров М. Л. *Основы теории дискурса*. М.: Гнозис, **2003**.
18. Минаева Л. В. Британский парламентский дискурс как культурный феномен // *Преподаватель XXI века*. **2015**. №3. С. 396–405.
19. Михалева О. Л. *Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия*. М.: ЛИБРОКОМ, **2009**.
20. Никифорова О. О. Дискредитация противника в парламентских дебатах // *Политическая лингвистика*. **2013**. №4(46). С. 129–135.
21. Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии // *Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Лингвистика*. **2017**. Т. 21. №1. С. 203–220.
22. Равочкин Н. Н. Политический дискурс: связи между языком и политикой // *Научный журнал «Дискурс»*. **2018**. №1. С. 192–201.
23. Радюк А. В. Коммуникативные стратегии и тактики как средства речевого воздействия английского делового дискурса // *Филологические науки в МГИМО: Сб. науч. трудов / Отв. редактор Г. И. Гладков*. М.: МГИМО(У) МИД России, **2013**. №50(65). С. 54–64.
24. Романова Н. Н., Филиппов А. В. *Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология*. М.: Флинта, **2009**.
25. Селезнева Л. В. *Прагмалингвистические характеристики PR-дискурса*. М.: Изд-во РГСУ, **2018**.
26. Смирнова О. Н. Выступление в парламенте и его просодический строй: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., **2011**.
27. Спиридовский О. В. Парламентские дебаты как жанр политического дискурса // *Научный альманах*. **2015**. №9(11). С. 568–574.
28. Сухих С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, **1998**.
29. Таюпова О. И. Журналистский дискурс в ракурсе прагмалингвистики // *Российский гуманитарный журнал*. **2016**. Т. 5. №2. С. 212–219.
30. Таюпова О. И. Медиа-медицинский дискурс как объект лингвистического исследования (на материале современной немецкой журнальной периодики) // *Российский гуманитарный журнал*. **2019**. Т. 8. №5. С. 352–360.
31. Формановская Н. И. *Речевое воздействие: коммуникация и прагматика*. М.: ИКАР, **2007**.
32. Хабермас Ю. *Философский дискурс о модерне*. М.: Весь мир, **2003**.

33. Харламова В. И. Жизнь мифа в современном политическом медиадискурсе США и Великобритании // *Медиалингвистика*. **2016**. №4(14). С. 25–35.
34. Чикилева Л. С. Президентский политический дискурс как средство манипуляции: прагмалингвистический аспект // *Российский гуманитарный журнал*. **2018**. Т. 7. №1. С. 20–29.
35. Чикилева Л. С. *Риторический дискурс: когнитивно-прагматический и структурно-стилистический аспекты*. М.: Флинта, **2005**.
36. Шапочкин Д. В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике // *Вестник Челябинского государственного университета*. **2013**. №10(301).
37. Шейгал Е. И. *Семиотика политического дискурса*. М.: Гнозис, **2004**.
38. Ширяева Т. А., Черноусова Ю. А., Триус Л. И. Основные коммуникативные стратегии в британском парламентском дискурсе дебатов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, **2015**. №12–1(54). С. 204–207.
39. Bhatia V. K., Nodoushan S. Genre Analysis: The State of the Art (An Online Interview with Vijay Kumar Bhatia) // *International Journal of Language Studies*. **2015**. Vol. 9. No. 2. Pp. 121–130.
40. Chilton P., Schäffner C. Introduction: themes and principles in the analysis of political discourse // *Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse*. Amsterdam: John Benjamins, **2002**.
41. Fairclough N. *Critical discourse analysis: The critical study of language*. Routledge, **2013**.
42. Habermas J. *The philosophical discourse of modernity: Twelve lectures*. John Wiley & Sons, **2018**.
43. Hunt A., Wheeler B. Brexit: All you need to know about the UK leaving the EU // BBC News. **2017**. Т. 25. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-32810887>.
44. Lightfoot S., Mawdsley E., Szent-Iványi B. Brexit and UK international development policy // *The Political Quarterly*. **2017**. Vol. 88. No. 3. Pp. 517–524.
45. Tannen D., Hamilton H. E. *The handbook of discourse analysis* / Ed. Schiffrin D. Malden: Wiley Blackwell, **2015**.
46. Theresa May mocked for bizarre pre-written 'inconstant gardener' jibe at Jeremy Corbyn during PMQs // News. The Essential Daily Briefing. **2018**. 12 December. URL: <https://inews.co.uk/news/politics/theresa-may-inconstant-gardener-joke-jeremy-corbyn-pmqs/>.
47. Van Dijk T. A. *Critical Discourse Analysis. The Handbook of Discourse Analysis*. **2015**.
48. Van Dijk T. A. *Discourse and knowledge: A sociocognitive approach*. Cambridge University Press, **2014**.
49. Van Dijk T. A. *Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition*. Routledge, **2019**.
50. Wodak R. Discourse and politics: The rhetoric of exclusion // *The Haider Phenomenon*. Transaction Publishers, **2002**. Pp. 33–60.
51. Brexit: Date of Exit // House of Lords Hansard URL: <https://hansard.parliament.uk/Lords/2019-03-14/debates/2D94F662-5BBC-49B9-AA04-84046DA6022C/BrexitDateOfExit>.
52. Engagements. House of Commons. Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2018-12-12/debates/C379B2BF-79FA-49DD-8A96-CB4DEEF5A258/Engagements>.
53. Engagements. House of Commons. Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2019-01-30/debates/287C6244-017F-45E8-A4FB-A9E71D7035AC/Engagements>.
54. Engagements. House of Commons. Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2019-02-13/debates/82850B40-B5CB-4924-B5B2-040A5EC4898B/Engagements>.
55. Engagements. House of Commons. Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2019-02-27/debates/29279E4A-C05F-4397-BA73-054E73A0B26D/Engagements>.
56. Engagements. House of Commons. Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2019-03-27/debates/E4CA38A1-A238-4A0E-AB13-F85E09C043ED/Engagements>.
57. Engagements. House of Commons. Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2019-10-30/debates/EE676E39-9A59-47E9-B17A-E7D8FB1A2D11/Engagements>.

Поступила в редакцию 10.02.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.1.5

Political discourse of parliamentary debates: pragmalinguistic aspect

© L. S. Chikileva^{1*}, A. G. Sergeeva²

¹*Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky Avenue, 125993 Moscow, Russia.*

²*MGIMO University, Odintsovo branch
3 Novo-Sportivnaya Street, 143005 Odintsovo, Russia.*

*Email: lchikileva@fa.ru

The article is devoted to the parliamentary discourse and its pragmalinguistic peculiarities. The choice of the subject matter for the analysis is determined by the interest of linguists to political communication. The authors analyze various approaches to discourse study, existing in this country and abroad. Special attention is given to the speech behavior of the participants in parliamentary debates when discussing political issues related to the exit of Great Britain from the European Union. Much attention is paid to pragmalinguistic meaning of language units as components of the parliamentary discourse. It is noted that there is a tendency in the British parliamentary discourse to use a strategy of downgrading or discrediting, which is aimed at denouncing opponents and positioning them in a negative way. The most commonly used tactic in this strategy is the accusation tactic. As a part of the promotion strategy, the most commonly used tactic is self-presentation, using which political leaders present their party and themselves in the most favorable way. The authors of the article come to the conclusion that during the parliamentary debate on Brexit, the conflict does not develop in favor of harmonization. There is no doubt that linguistic means are an important resource, therefore the success of political communication and of parliamentary debates in particular depends on their effective use. The use of speech strategies and tactics affects the pragmatic potential of parliamentary discourse and determines the choice of lexical, grammatical, and stylistic means. The analysis of the parliamentary discourse revealed the most typical use of discursive strategies and tactics, stylistic devices such as repetition, parallel syntactic constructions, and rhetorical questions; the use of words either with positive or negative connotations, the use of personal pronouns uniting the speaker with the audience to achieve the effect of the listeners' involvement in what is happening. Further study of pragmatic markers, strategies, and tactics used in the discourse of parliamentary debates as well as in other types of discourse will be useful both in theoretical and practical terms, as it will contribute to harmonizing of the communication process and increasing its effectiveness.

Keywords: discourse, political discourse, parliamentary discourse, political communication, communicative culture, pragmalinguistic features, strategies and tactics.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Chikileva L. S., Sergeeva A. G. Political discourse of parliamentary debates: pragmalinguistic aspect // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 1. Pp. 42–60.

References

1. Abramyan S. A. *Filologiya v XXI veke: Metody, problemy, idei*. 2017. Pp. 7–12.
2. Akopova D. R. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2013. Vol. 1. No. 6. Pp. 403–409.

3. Aleshina E. Yu. *Publichnyi politicheskii diskurs konfliktnoi situatsii [Public political discourse of conflict situation]*. Moscow: Prometei, **2015**.
4. Arutyunova N. D. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Ed. V. N. Yartseva. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, **2002**. Pp. 136–137.
5. Baranov A. N., Mikhailova O. V., Satarov G. A., Shipova E. A. *Politicheskii diskurs: metody analiza tematicheskoi struktury i metaforiki [Political discourse: methods of analysis of thematic structure and metaphors]*. Moscow: Fond INDEM, **2004**.
6. Vasil'kova N. N. *Diskurs Pi*. **2018**. Vol. 15. No. 3–4(32–33). Pp. 38–43.
7. Vinnik Yu. V. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. **2018**. No. 1(212). Pp. 46–49.
8. Grigor'eva V. S. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskii i kognitivnyi aspekty [Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects]*. Tambov: Izd-vo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, **2007**.
9. Dedushkina T. A. *Studia Linguistica*. **2011**. No. 5. Pp. 472–477.
10. Dem'yankov V. Z. *Politicheskaya nauka*. **2002**. No. 3. Pp. 31–44.
11. Zvegintsev V. A. *Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku [Sentence and its relation to language]*. Moscow: Editorial URSS, **2001**.
12. Zyubina I. A., Ivanova A. A., Kumpan N. A. *Politicheskaya lingvistika*. Ekaterinburg, **2016**. No. 4(58). Pp. 107–113.
13. Karasik V. I. *Yazykovyi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]*. 2 ed. Moscow: Gnozis, **2004**.
14. Kashtanova I. I., Biryukova O. A., Davydova E. A. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. **2018**. No. 10–2(88). Pp. 295–299.
15. Kolesnikova S. N. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. **2011**. No. 33(248). Is. 60. Pp. 67–69.
16. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: on the way to gain knowledge of the language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in conceiving the world]*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, **2004**.
17. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of discourse theory]*. Moscow: Gnozis, **2003**.
18. Minaeva L. V. *Prepodavatel' XXI veka*. **2015**. No. 3. Pp. 396–405.
19. Mikhaleva O. L. *Politicheskii diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya*. Moscow: LIBROKOM, **2009**.
20. Nikiforova O. O. *Politicheskaya lingvistika*. **2013**. No. 4(46). Pp. 129–135.
21. Ozyumenko V. I. *Vestnik Rossiiskogo universiteta Druzhby narodov. Seriya: Lingvistika*. **2017**. Vol. 21. No. 1. Pp. 203–220.
22. Ravochkin N. N. *Nauchnyi zhurnal «Diskurs»*. **2018**. No. 1. Pp. 192–201.
23. Radyuk A. V. *Filologicheskie nauki v MGIMO: Sb. nauch. trudov / Otv. redaktor G. I. Gladkov*. Moscow: MGIMO(U) MID Rossii, **2013**. No. 50(65). Pp. 54–64.
24. Romanova N. N., Filippov A. V. *Slovar'. Kul'tura rechevogo obshcheniya: etika, pragmatika, psikhologiya [Dictionary. Culture of speech communication: ethics, pragmatics, psychology]*. Moscow: Flinta, **2009**.
25. Selezneva L. V. *Pragmalingvisticheskie kharakteristiki PR-diskursa [Pragmalinguistic characteristics of PR-discourse]*. Moscow: Izd-vo RGSU, **2018**.
26. Smirnova O. N. *Vystuplenie v parlamente i ego prosodicheskii stroi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Moscow, **2011**.
27. Spiridovskii O. V. *Nauchnyi al'manakh*. **2015**. No. 9(11). Pp. 568–574.
28. Sukhikh S. A. *Pragmalingvisticheskoe izmerenie kommunikativnogo protsessa: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. Krasnodar, **1998**.
29. Tayupova O. I. *Liberal Arts in Russia*. **2016**. Vol. 5. No. 2. Pp. 212–219.
30. Tayupova O. I. *Liberal Arts in Russia*. **2019**. Vol. 8. No. 5. Pp. 352–360.
31. Formanovskaya N. I. *Rechevoe vozdeistvie: kommunikatsiya i pragmatika [Linguistic manipulation: communication and pragmatics]*. Moscow: IKAR, **2007**.
32. Khabermas Yu. *Filosofskii diskurs o moderne [Philosophical discourse on the Modern Style]*. Moscow: Ves' mir, **2003**.
33. Kharlamova V. I. *Medialingvistika*. **2016**. No. 4(14). Pp. 25–35.
34. Chikileva L. S. *Liberal Arts in Russia*. **2018**. Vol. 7. No. 1. Pp. 20–29.

35. Chikileva L. S. *Ritoricheskii diskurs: kognitivno-pragmaticeskii i strukturno-stilisticheskii aspekty* [Rhetorical discourse: cognitive-pragmatic and structural-stylistic aspects]. Moscow: Flinta, **2005**.
36. Shapochkin D. V. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. **2013**. No. 10(301).
37. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis, **2004**.
38. Shiryayeva T. A., Chernousova Yu. A., Trius L. I. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, **2015**. No. 12–1(54). Pp. 204–207.
39. Bhatia V. K., Nodoushan S. *International Journal of Language Studies*. **2015**. Vol. 9. No. 2. Pp. 121–130.
40. Chilton P., Schäffner C. *Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse*. Amsterdam: John Benjamins, **2002**.
41. Fairclough N. *Critical discourse analysis: The critical study of language*. Routledge, **2013**.
42. Habermas J. *The philosophical discourse of modernity: Twelve lectures*. John Wiley & Sons, **2018**.
43. Hunt A., Wheeler B. BBC News. **2017**. Vol. 25. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-32810887>.
44. Lightfoot S., Mawdsley E., Szent-Iványi B. *The Political Quarterly*. **2017**. Vol. 88. No. 3. Pp. 517–524.
45. Tannen D., Hamilton H. E. *The handbook of discourse analysis*. Ed. Schiffrin D. Malden: Wiley Blackwell, **2015**.
46. Theresa May mocked for bizarre pre-written 'inconstant gardener' jibe at Jeremy Corbyn during PMQs. News. The Essential Daily Briefing. **2018**. 12 December. URL: <https://inews.co.uk/news/politics/theresa-may-inconstant-gardener-joke-jeremy-corbyn-pmqs/>.
47. Van Dijk T. A. *Critical Discourse Analysis. The Handbook of Discourse Analysis*. **2015**.
48. Van Dijk T. A. *Discourse and knowledge: A sociocognitive approach*. Cambridge University Press, **2014**.
49. Van Dijk T. A. *Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition*. Routledge, **2019**.
50. Wodak R. *The Haider Phenomenon*. Transaction Publishers, **2002**. Pp. 33–60.
51. Brexit: Date of Exit. House of Lords Hansard URL: <https://hansard.parliament.uk/Lords/2019-03-14/debates/2D94F662-5BBC-49B9-AA04-84046DA6022C/BrexitDateOfExit>.
52. Engagements. House of Commons. Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2018-12-12/debates/C379B2BF-79FA-49DD-8A96-CB4DEEF5A258/Engagements>.
53. Engagements. House of Commons. Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2019-01-30/debates/287C6244-017F-45E8-A4FB-A9E71D7035AC/Engagements>.
54. Engagements. House of Commons. Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2019-02-13/debates/82850B40-B5CB-4924-B5B2-040A5EC4898B/Engagements>.
55. Engagements. House of Commons. Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2019-02-27/debates/29279E4A-C05F-4397-BA73-054E73A0B26D/Engagements>.
56. Engagements. House of Commons. Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2019-03-27/debates/E4CA38A1-A238-4A0E-AB13-F85E09C043ED/Engagements>.
57. Engagements. House of Commons. Hansard. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2019-10-30/debates/EE676E39-9A59-47E9-B17A-E7D8FB1A2D11/Engagements>.

Received 10.02.2020.